

ЗАПИСКИ
СОРОКАЛЕТНЕГО
МУЖЧИНЫ

Мне 40 лет. Несколько дней тому назад в Летнем саду шустроглазая девочка лет 4-х, дернув свою мать за рукав, сказала: «Смотри, смотри, мама, у этого старого дяди такая же шапка, как у нашего папы». Детская ручонка в пушистой варежке явно показывала на меня... Старый дядя! А? Старый дядя!.. И я огорчился на добрые четверть часа. А сегодня в комиссионном магазине, что неподалеку от Генерального штаба, совсем белая старушка в ветхой плюшевой ротонде назвала меня «молодым человеком». И я от Адмиралтейства до угла Литейного, ныне проспекта Володарского, шел с блаженно-идиотской улыбкой поперек лица.

О, какой мучительный возраст! Мучительный своей двойной близостью — к молодости, которая недостижима, и к старости, которая неизбежна.

* * *

Если путь от орангутанга к человеку — величественен, то обратное путешествие к обезьяне — путешествие актеров — омерзительно. А само их жалкое искусство приближает все существо их к животному — беспокойному, неверному, угодливому, раболепному, обжорливому, плотоядному и, что хуже всего, глупому. Вот гнусный гибрид!

* * *

В нашем милом, кашляющем, сажающем цветочки интеллигенте с бородкой и в пенсне Антоне Павловиче Чехове всегда сидел дьявол, озорник, литературный хулиган.

«... Все действие, — писал он о своем „Иванове“, — веду тихо и мирно, а в конце даю зрителю по морде».

А елейный циник граф Лев Николаевич со старческой наивностью еще поучал его:

Автор должен захватывать зрителя не вежливо под руку, а сильно за шиворот.

Вот уж своя своих не познаша.

Но кухню свою, кухню драматического писателя, обе эти профессиональные стряпухи знали здорово.

А Чехов лучше Толстого, хотя и вязался к нему, нудил:

Куда я, де, пойду за вашими героями? С дивана до нужника и обратно...

«Это-то и фокус: насытить содержанием, действием (да, действием!) и страстями (да, да, да! страстями) неторопливые прогулки по полутемному коридорчику губернской квартиры, в которой живут три сестры — Ольга, Ирина и Маша. Впрочем, одна из них живет в другой квартире, но и в той, конечно же, имеются свой коридорчик, прогулки по нему, неизбежные в этом мире, и страсти, страсти, страсти.

Обожаю же я Толстого больше всего, когда он хамит (хотя бы даже с Чеховым):

Я терпеть не могу шекспировских пьес, но ваши еще хуже.

Вот он, священный в искусстве фанатизм, без которого Толстой не был бы Толстым «Войны и мира», «Анны Карениной», «Смерти Ивана Ильича».

А Курбэ говорил:

Тициан и Леонардо да Винчи — плуты! Если бы один из них вернулся в мир и прошел по моей мастерской, я бы вынул нож.

От нас же хотят, чтобы все мы мирно щипали желтую травку на общем загоне, называемом «Союзом советских писателей».

* * *

Больше всего, охотнее всего, всегда с интересом, даже воодушевлением, говорят о любви и о домашней прислуге.

Женщины часто повторяют:

Я его люблю сама не знаю за что. Вот суки! повязывающиеся с теми, кто настиг их.

«То самое» часто проделывается, как на случайном пункте. Но мужчина так и называет это своим именем, а женщина называет это любовью.

* * *

У женщин половое чувство — это и есть их душа. У мужчин же душа душой, половое чувство половым чувством. Слияние одного с другим — это редчайший случай, это — любовь.

* * *

Женщина в кровати всегда спрашивает

Ты меня любишь?

Мужчина, чтобы избежать малоприятного разговора, обычно нехотя отвечает:

Люблю.

И женщина верит, потому что она действительно любит каждого, с кем спит.

* * *

Все женщины распутны. А так называемые верные жены еще хуже неверных, Потому что в сердце своем, в мыслях, изменяют чаще и бесстыдней.

* * *

Почему-то при слове «сплетня» обычно корчат брезгливую гримасу, а при слове «литература» поднимают глаза к потолку.

Напрасно! Литература и сплетня это почти одно и то же. Я, разумеется, говорю о большой литературе, паршивая — та всегда была не в меру благородной.

Достоевский, к примеру, усердно обсплетничивал Суслову Аполлинарию Прокофьевну: и в «Идиоте» (Аглая), в «Преступлении и наказании» (Дуня), в «Бесах» (Лиза), в «Игроке» (Полина); в «Игроке» же, как сказано у добросовестного свидетеля,— де Грие, тот «родом испанец — не то студент-медик, не то молодой врач, по имени Сальвадор, с которым у Сусловой был роман».

Грибоедов пишет Катерину: «„Характеры портретны"». Да! и я коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии... Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупец: Антропос собственной фабрики и несносен».

Итак, с Грибоедовым покончено: по собственному его признанию, сплетник да еще принципиальный.

А вот что пишет Сатин о Лермонтове: «Пустая жизнь не пропадала, впрочем, для него даром; он писал тогда свою „Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну

Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера».

А теперь поднимаются глаза при слове «литература».

Ну, Александр Сергеевич Пушкин, тот собственной жены не пощадил:

О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительной любовью счастлив я,
Когда, склонясь на долгое моление,
Ты предаешься мне, нежна без упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И разгораешься потом все боле, боле —
И делишь, наконец, мой пламень поневоле.

Флобер госпожу Арну (из «Сантиментального воспитания») действительно встретил в 1838 году в Трувиле и впоследствии так же, как его Фредерико Моро, стал своим человеком в их доме...

«Опасные связи», — пишет Стендаль, — были сочинены в Гренобле г. Шодерло-де-Лакло, артиллерийским офицером, и изображали нравы Гренобля. Я еще знал госпожу де Мертейль, это была госпожа де Монмор, кормившая меня засахаренными орехами, хромоножка, у которой дом был возле церкви св. Винцента».

Словом, примеры можно множить, множить и множить. А в данном случае я вспомнил только тех авторов, которые мне милее, чем остальные.

* * *

Не пускайте себе в душу животное! Я говорю о женщине. Пусть она паскудит только ваши кровати. Ведь

всякий раз простыни можно бросить в грязное белье, и через несколько дней они вернутся к вам из прачечной белоснежными.

* * *

Я спрашиваю вас, двадцатилетние влюбленные идиоты: «А знаете ли вы, как звали того несчастного юношу, которого небожители слили навеки с его возлюбленной?». Ведь об этом, как известно, в определенном возрасте принято молить небо.

А! вы ничего не знаете.

Несчастливого юношу звали Гермафродитов.

* * *

Свиньи, коровы, лошади и собаки — жрут, пьют, испражняются, спят, покрывают своих самок, болеют, старятся и подышают. Мы тоже жрем, пьем, испражняемся, спим, покрываем своих самок, болеем, впадаем в старость и умираем. Есть что-то невероятно оскорбительное в этом едином, общем со свиньями, коровами, лошадьми и собаками.

Природа грубо сказала нам: «Ты тоже животное».

«Нет,— кричу я,— собаки не философствуют, свиньи не мечтают, лошади и коровы не пишут симфоний, не сочиняют стихов, не занимаются живописью и даже не изобретают беспроволочного телеграфа. Да, проклятая,— так обращаюсь я к природе, — ты дала мне почти один и тот же желудок и половой орган, что и лошади, но ты же, о, благословенная! дала мне разум, которого нет у четвероногого».

Разум!

И я, подобно Робеспьеру, обожествляю то, что достойно обожествления. А вот хотелось бы знать имя древнего подлеца, которому пришла в голову сумасшедшая мысль воздвигнуть первый храм и сочинить песнопенье в честь фаллуса. Отсюда недалеко и до любви, этой выдумки, принесшей человеку гораздо больше страданий — глубоких и длительных, чем счастья — мелкого и мгновенного. Мы служим продолжению рода и за это, в качестве вознаграждения, получаем чувственное удовольствие.

Это более или менее справедливо, и все обстояло бы, думается мне, более или менее благополучно, если б мы не вздумали примешивать к сперме фимиама высшей духовности.

Ведь наполняем же мы желудки и опоражниваем их без философии и лирики.

— Вечная любовь, брак, верность — это все штуки дьявола. Мужчина хочет владеть женщинами, а не женщиной.

Это говорю не я, а природа.

Ну, а женщина, в свою очередь, хочет ложиться под мужчин, а не под мужчину.

* * *

Запишу мысли, которые мне по нутру: «Техника в соединении с пошлостью — это самый страшный враг искусства» (Гете).

«Комедия бесконечно труднее трагедии» (Энгр).
«Назойливое выставление напоказ простоты так же неприятно и противно, как всякий другой род неестественности» (не помню кто).

Еще об орангутангах.

Вот им дают драматическое произведение. Иногда такое, которое читается и ставится на сцене лет сто, двести, триста. В этом случае оно бывает написано прекрасным слогом. Содержание его успело сделаться достоянием всего человечества. Образы стали нарицательными. Говорят: «Это Отелло... Это Тартюф... Это Фигаро... Это Хлестаков... Это Чацкий...»

Одного из перечисленных героев, скажем Чацкого, поручают сыграть нашему орангутангу. Обычно выбирается лучший орангутанг из стада, называемого труппой. Получив текст, переписанный на пишущей машинке, орангутанг читает его раз, два раза, три раза, четыре, пять... Наконец, начинает его громко произносить на репетициях. И что же? Оказывается, что он не понимает смысла почти ни одной фразы, которую произносит, хотя уже успел вызудить их все наизусть, не понимает также мысли произведения; психологии человека, которого должен прообезьянничать; взаимоотношений между персонажами; стиля эпохи и, вообще, ничего не понимает. И как это ни удивительно, но этому никто из окружающих не удивляется, потому что у них в зверинце, то есть в театре, это является совершенно нормальным положением...

По заведенному порядку, тут начинается очень длительное (месяц, два, три) разъяснение всего того, что понятно школьнику средних способностей. Существо разъясняющее называется режиссером. Но так как он тоже обычно из орангутангов, дирекции приходится приглашать для специальных чтений профессоров, искусствоведов и критиков.

Взглянув на актеров, Полоний сказал:

— Принц, я приму их по заслугам.

— Нет! — воскликнул перепуганный Гамлет, — прими их лучше. Если обращаться с каждым по заслугам, кто же избавится от пощечины.

Датскому принцу, видимо, пришло на ум, что лукавый царедворец распорядится подать актерам пищу в корыте, а ночевать отправит их в стойло или в хлев.

Стендаль полагает, что любовь может либо возрастать, либо уменьшаться, что большая любовь от разлуки увеличивается, а маленькая уменьшается.

А разве любовь может быть «маленькой»? Нет, это уже совсем что-то другое и называть, мне кажется, надо другим именем. Как в зоологии — и тигр и кошка относятся к семейству «кошачьих», но тигра мы называем тигром, а кошку — кошкой.

* * *

Французы!.. Я читаю письма Флобера и задыхаюсь от смеха:

«Существует обычай дарить подарки тем, кого любишь. Я ищу, что бы послать Вам такое, что исходило бы от меня, что было бы действительно моим. Ничего не нахожу. Так вот, дорогая Луиза, примите поцелуй, крепкий поцелуй всего сердца... Он здесь, в конце письма, возьмите его».

Ну? Каков подарочек? Ну, кто еще в целом мире, кроме француза, может отделаться от женщины столь элегантно и столь дешевым подношением.

Читаю дальше и... задыхаюсь от восторга. «Что кажется мне прекрасным, что я хотел бы сделать-царапает он все той же дамочке,— это книгу ни о чем, книгу без внешней привязи, которая держалась бы сама собой, внутренней силой своего стиля, как Земля, ничем

не поддерживаемая, держится в воздухе, — книгу, которая почти не имела бы сюжета или, по меньшей мере, в которой сюжет, если возможно, был бы почти не видим...». И через две строчки эта проклятая, эта замечательная, божественная руанская пифия вещает: «Это и есть как будто путь искусства в будущем». Каково?.. Вот они, французы!

* * *

«Исполнение желаний» — так Фрейд объяснил сновидения. Это же объяснение, мне кажется, подходит для женщины, в которую мы влюбляемся.

По существу, мы находим только нравящуюся нам форму, в значительной своей части полную внутри. Эту душевную пустоту мы и заполняем нашим воображением. Чем оно прихотливее и возвышенней, тем содержательнее женщина — исполнение наших желаний. Такое положение, само собой, не может продолжаться очень долго, в какую-то трагическую минуту мы прозреваем — наступает самое жестокое разочарование и... поиски новой формы.

Но что же такое любовь?.. Вероятно, это мозаика чувств, из которой нельзя выкинуть ни одного камушка.

* * *

Все дело в том, что у женщины душа помещается чуть пониже живота, а у нас несколько выше.

Мужчина без женщины неустроен, ему скучновато, он ее хочет. Женщина без мужчины — несчастна, он ей необходим, она с ним расцветает, без него — вянет.

Словом, он для нее — жизнь, она для него — приятность жизни.

* * *

Маленький писатель всегда хвалит тех критиков, которые его хвалят, и ругает тех, которые ругают его.

А большому, обычно, наплевать и на тех и на других.

* * *

О каждом мужчине, который дает понять женщине, что он, де, не прочь с ней переспать, та, всегда польщенная, думает: «Он в меня влюблен!»

Разумеется, совсем не надо обладать сверхъестественной красотой, чтобы к 30 годам таких «влюбленных» считать дюжинами.

Но женщина скорее забудет 4 правила арифметики, чем имя, цвет волос, глаз, галстука и прочего хотя бы одного из этого комического списка, переполняющего ее «женской гордостью». Вот дуры!

* * *

Ребенок на бульваре спросил меня: — Твоя собака кто будет — тетенька или дяденька?

* * *

Хорошие люди с плохим характером и плохие люди с хорошим характером.

* * *

Умные люди глупо устраивают свою жизнь.

* * *

Я готов с пролетариатом вместе драться на одной баррикаде, но ужинать предпочел бы в разных ресторанах.

<1937? >